

ТЕАТР

Последний день института кефира

ТЕОРЕТИЧЕСКИ сатиры никто, конечно, никогда у нас не отрицал. На практике же долгие годы дело обстояло весьма не просто. Замалчивание всех и всяческих недостатков и ошибок, характерное для периода культа личности, естественно, никак не благоприятствовало расцвету сатирического жанра. Но и вплоть до последнего времени перелом в этой области литературы ощущался как-то слабо. Писатели далеко не всегда и не во всем следовали примеру той смелости, прямоты и правдивости, который показала им партия, подчас предпочитая в своих пьесах наиболее безобидный, искусственно суженный круг тем и проблем. Действовала здесь, возможно, и своеобразная инерция мышления самих писателей и редакторское «как бы чего не вышло» — та осторожность, что сродни перестраховке. А между тем общенародная великая цель, провозглашенная XII съездом партии, и перед сатирой поставила сегодня большие задачи. На случайно Н. С. Хрущев в своем недавнем выступлении на совещании в Целинограде так естественно и прямо перешел от вопросов сельскохозяйственных и литературным, напоминая о месте сатиры в общем рабочем строю.

В то самое утро, когда в газетных киосках появился номер «Правды» с текстом этой речи, на сцене Театра комедии шла генеральная репетиция сатирической комедии Д. Аля и Л. Рахова «...Опаснее врага». Совпадение? Да, но не такое уж случайное, если вспомнить, как рождался этот спектакль.

Около трех лет назад авторы привнесли в театр первый набросок своей пьесы. Их объединило горячее желание сразиться оружием сатиры с невеждами и приспособленцами, которые и сами дело делать не способны и честным, знающим людям работать мешают. Авторы писали и переписывали свою комедию с тем упорством и гражданской убежденностью, которые равно или поздно обязательно привлекают союзников и соратников. Режиссер Н. Лившиц поверил в будущий спектакль, может быть, немного раньше других. Но постепенно в процессе работы уже ни один ее участник не мог оставаться просто равнодушным исполнителем: каждый вкладывал в спектакль собственные размышления над жизнью, то, что он сам хотел сегодня сказать.

Анекдотическая история случилась в научно-исследовательском институте кефира. Не успев вернуться из командировки заместитель директора института Клямов, как подлетел к нему завязтый сплетняк и перекосячил новости Шпигатов с вопросом: что нового? Клямов ответил откровенно и, быть может, не без намека: понравилась ему в Москве постановка вопроса — пора гнать дураков из научных учреждений, наука наша завоевала ведущее место в мире, не к лицу ей мириться со всяким балластом. Сказал и пошел. А такому тертому калачу, как Шпигатов, сразу все стало ясно: «сверху» начинается кампания по борьбе с дураками! Весть мгновенно разнеслась по институту, и загудел потовоженный улей...

Анекдот? Да. Он легко укладывается в неприязнительный водевиль. Создатели спектакля предпочли, однако, путь наибольшего сопротивления. Разворачивая kaleidoscope невероятных событий, происходящих в нарочито нелепом институте кефира, они говорят, по существу, об очень серьезных вещах — о великовидированных еще последствиях культа личности в нашей жизни.

Режиссер и актеры дали ряд очень точных игровых деталей, которые порой красноречивее, чем пространный монолог. На таких деталях построены, например, один из самых удачных образов спектакля — образ начальника отдела кадров Малькова (актер П. Суханов). При первом взгляде на эту свиноподобную фигуру в гимнастерке и галифе полувоенного образца, туго восседающую под сенью сейфа, хочется воскликнуть: «Да нет же! Этот персонаж сегодня уже просто невозможен!» Но приглядитесь лучше, как встречает Мальков человека, пришедшего наняться по объявлению на работу. Дело самое простое, и посетитель пытается сразу объяснить. «Минуточку!» — почти угрожающе обрывает его Мальков. Он встает из-за стола, грузно шагает навстречу ошеломленному рабочему, хватая его руку и трясет ее, как лучшему другу. Губы Малькова раздвигает при этом механическая

улыбка. Ну, теперь-то уж вроде можно говорить о деле? Нет, опять раздается грозное «Минуточку!». Жестом, каким выхватывают пистолет из кобуры, Мальков извлекает из ладного кармана портсигар, предлагает закурить — и только тогда сбитый с толку посетитель получает возможность открыть рот. А Мальков доволет собой: по его понятиям, он сделал все, что сегодня требуется. Перемены, происшедшие в нашей жизни, он воспринял чисто формально: есть, мол, «указания» быть внимательным к человеку, разговаривать с ним задушевно. Вот он и приспособляется. Так сатирические стрелы, летящие со сцены, получают точный адрес в жизни. В том и сила спектакля, что он — сегодняшний, синопсический. Он нацелен на тех, кто сегодня прячется за фразой, спекулирует на ней, остается, по существу, глубоко чуждым и делу и духу нашего времени.

...Обеспокоенный новостью, директор института Допетровский выключает радио. Под балаганские переборы звучат строки из сказки Ершова «Конек-Горбунок»: «...и погань дурака ну толкать во все бока...» Для Допетровского этого достаточно: вот и на радио тематика подобрана явно не случайно! Думать сам Допетровский не умеет, привык к директивам, а дело делать так и не научился. А раз сам он дела не знает и не любит, то и ялпелать ему на все. Эта вялость Допетровского выливается в умвом исполнении П. Паюкова очень искренней. Но и он не устоял-таки перед веяниями времени: уходя из лаборатории, где по своему воньствующему невежеству сорвал ценный эксперимент и оскорбил настоящего ученого, Допетровский уже у порога словно вспоминает что-то и одаривает всех улыбкой — как же, ведь внимание к людям...

Рядом с Мальковым и Допетровским театр вывел тех, о ком можно сказать по посылке — «рыбак рыбака видит издалека». Для них единственное средство сохранить и утвердить себя — объявить дураками тех, кто по-настоящему работает. Их оружие — подлость, замаскированная «справильными» словами.

Так театр своими средствами смело исследует природу отрицательных общественных явлений и выносит им приговор. При этом театр отнюдь не претендует как на исчерпывающую полноту своего анализа, так и на бесспорность своих выразительных средств. Если прибегнуть к сравнению на области других искусств, можно сказать, что этот спектакль создан рукой графика, а не живописца. Персонажи его очерчены в основном двумя-тремя штрихами. Это может не устроить тех, кто предпочитает видеть на сцене полнокровные характеры. Но, во всяком случае, нельзя отрицать единства и стройности решения спектакля — от манеры актерского исполнения до оформления художника И. Крылова, лаконично выразительного и технически остроумного. И когда в конце спектакля вертикальные круги стремительно увозят весь паноптикум отрицательных персонажей, зрители аплодисментами приветствуют эту сценическую метафору.

Ну, а положительные герои? Есть ли они в пьесе?

Казалось бы, есть. Но они не порадовали нас ни своим умом, ни мужеством в борьбе. Истина восторжествовала помимо них, и это очень досадно. В сущности, подлинным положительным героем спектакля оказался смех зрительного зала. Он непрерывно преследует отрицательных персонажей, которые вступили в непримиримый конфликт с ходом жизни. Смех сопровождает каждую остроумную реплику, а их немало рассыпано по пьесе. Именно смех утверждает торжество идей нашего времени.

Театр отдавал себе отчет, что пьеса не совершенства, что в спектакле, по большому счету, могут оказаться потери. И они есть. Но создатели спектакля хотели вовремя сказать свое гражданское слово, и это слово находит живой отклик в переполненном зрительном зале.

«Человечество, смеясь, растается со своим прошлым», — говорил еще К. Маркс. Но для этого недостаточна битва из литературных путей по воробьям. Спектакль Театра комедии тем в немем, что он смело выходит на дорогу больших тем современности.

Т. МАРЧЕНКО